

Евгений Крестьянников

Города и горожане Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: недавние исследования сибирских историков

Evgeniy Krestyannikov

(Tyumen State University, Russia)

Cities and citizens of Western Siberia in the second half of XIX – early XX century: recent studies of Siberian historians

В последние годы вышел в свет ряд книг по истории городов Западной Сибири, принадлежащих перу исследователей из научных центров региона.

Численность горожан сибирского края к рубежу XIX–XX вв. не достигала и 10% всего населения¹, но именно здесь города имели особенное значение, служа форпостом прогресса, что подчёркивалось ещё в дореволюционной литературе. Так, областник Г.Н. Потанин указывал: «Города Сибири – это точки на общественном теле Сибири, которыми оно воспринимает лучи света, идущие с Запада. В городах исключительно сосредоточены все интеллигентные силы этого края. В Европейской России города не стоят в таком привилегированном положении относительно деревень, как в Сибири»². Рецензируемые труды подтверждают: в спокойные годы западносибирские города являлись прежде всего средоточием торговли и промышленности, колыбелью просвещения. Они интенсивно меняли свой облик, причём формировалась особая городская среда, в которой достаточно мирно сосуществовали лица разных занятий, национальностей и вероисповеданий. Рецензируемым исследованиям свойственны приоритет антропологического подхода, понимание науки о прошлом как знания «о людях во времени»³. В основном они написаны в духе истории

повседневности, иногда с применением микроисторической детализации.

Барнаульские учёные Ю.М. Гончаров и В.А. Скубневский⁴ в 2014 г. опубликовали третье, дополненное издание монографии «Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство» (первые два вышли в 2003 и 2007 гг.). В центре исследования – трансформация сибирских городов в условиях наступления капитализма, важнейшим импульсом которой послужила постройка Транссиба. Она способствовала резкому ускорению урбанизации, превращению многих городов из торговых в промышленные и углублению в них социальной дифференциации. В результате наиболее крупные из них – Тюмень, Омск, Томск, Барнаул – по внешнему виду приблизились к расположенным в Европейской России, где уже формировались «деловые» и пролетарские кварталы, но большинство других сибирских городов сохранили доиндустриальный облик.

Хотя в целом технический прогресс приходил в регион с некоторой задержкой, в начале XX в. передовые технологии достаточно быстро внедрялись в городскую жизнь. Горожанин мог прогуляться по улицам, освещённым керосиновыми, газовыми, и уже нередко электрическими фонарями (в планах был запуск томского,

* Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул: АЗБУКА, 2013. 174 с.; Гончаров Ю.М., Скубневский В.А. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2014. 252 с.; Кононенко А.А. Тюмень на рубеже веков: город и его жители в 1900–1917 гг. Тюмень: ИД «Титул», 2014. 132 с.; Литягина А.В. Светское просвещение и повседневная жизнь горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Бийск: Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина, 2014. 180 с.

омского и барнаульского электрических трамваев), проснуться от протяжного гудка паровоза и стука колёсных пар железнодорожного состава, увидеть столбы с телефонно-телеграфными проводами, через считанные годы после изобретения братьев Люмьер посетить местный кинематограф (в одном Томске в начале второго десятилетия XX в. насчитывалось семь электротeatров⁵).

Проникали блага цивилизации и в города «отстающего» типа. В частности, авторы приводят пример Тобольской губернии, где в 1904 г. ещё отсутствовало освещение в Ялуторовске⁶, Сургуте, Тюкалинске (к слову, про благоустройство последнего один популярный путеводитель рассказывал потенциальным туристам: «Улицы в Тюкалинске немощёные, тротуаров нет, гостиниц – тоже»⁷). Но уже в 1912 г. в этих городах появились уличные фонари, правда, в небольшом количестве: в том же Тюкалинске – три штуки.

Ю.М. Гончаров в монографии «Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.)» выявил рост численности евреев-горожан региона, определил важнейшие центры их расселения. В первой половине 1860-х гг. на Тобольск, Томск и Омск приходилась почти треть еврейского населения края, а в качестве крупнейшего по доле евреев (14.2%) выступал «сибирский Иерусалим» – Каинск. В начале XX в. они составили уже 25.7% жителей города, но роль крупнейшего центра расселения евреев отошла к Мариинску, где их было 34.1% населения (с. 34, 36, 42–44, 128).

В книге подчёркивается значимость лиц иудейского вероисповедания в хозяйственной жизни региона. Благодаря им некоторые прежде захолустные местечки, такие как Каинск, превращались в бойкие торгово-промышленные города. Еврейские купцы, стремясь заполнить свободную экономическую нишу, являлись новаторами в коммерческой и промышленной деятельности. «Закалённая тяжёлыми условиями предпринимательства в черте еврейской оседлости, более образованная и дальновидная, вобравшая в себя опыт более развитого капитализма Европейской России и отчасти Европы, спаянная

традиционно крепкими национальными и родственными узами, еврейская буржуазия составляла серьёзную конкуренцию складывающейся сибирской буржуазии» (с. 79). Одну из глав автор посвятил положению евреев в сибирском социуме. В целом он солидаризируется с дореволюционными публицистами, считавшими, что сибиряк-еврей «был больше “сибиряк”, чем “еврей”»⁸. В Сибири евреи носили русские фамилии, использовали преимущественно русский язык внутри общины и т.д.⁹ В местном толерантном обществе, веками являвшемся полиэтническим и поликонфессиональным, к приезжему «иногородцу» не возникало враждебности, его не признавали «чужим», как бывало в европейской части страны (с. 82). В итоге до 1905 г. антисемитских настроений среди русских сибиряков почти не наблюдалось¹⁰, не было и свойственных Европейской части империи дискриминации иудеев и еврейских погромов. По словам Ю.М. Гончарова, «не знали сибирские евреи того грубого бытового антисемитизма, от которого страдали их европейские единоверцы» (с. 84).

В монографии «Светское просвещение и повседневная жизнь горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.» бийского историка А.В. Литягиной содержится попытка дополнить достижения исторической науки исследованием воздействия «просвещения» на жизненный мир городских жителей, на их поведение «по удовлетворению своих каждодневных потребностей» (с. 5). В книге затрагиваются проблемы развития школьного образования, культурно-просветительских учреждений, медицинского обслуживания населения, а также санитария, библиотечное и музейное дело, просветительские направления массовой культуры. Однако автор не объясняет, почему анализирует именно эти, а не другие вопросы – деятельность Томского университета, периодическую печать (в тот период в регионе издавалось более 200 газет и журналов¹¹), книгоиздательство и т.д. Все они гораздо ближе к заявленной теме, чем, скажем, «влияние уровня грамотности гласных городских дум Западной Сибири на их управленче-

скую деятельность» (название параграфа 2.1 монографии).

Работа имеет сугубо описательный характер. За количественными показателями, зачастую заимствованными из работ предшественников или раздобытыми в популярных дореволюционных справочно-статистических изданиях, названиями организаций, фактами читателю трудно найти реальные исторические проблемы и их анализ. Невысокий уровень теоретического оснащения делает такие описания поверхностными, ещё более затеняя проблемные узлы, в которых обязаны сходиться «просвещение» и «повседневная жизнь», но зачастую существуют раздельно. А иногда трудно понять, к чему из них относится тот или иной отрезок текста, и какое вообще он имеет к ним отношение. Например, сведения о Юридическом обществе при Императорском Томском университете (с. 63–64), деятельность которого знакома автору этих строк не понаслышке¹², взяты из общеизвестной статьи Г.Н. Потанина¹³ – это тематика докладов даже без упоминания выделенных областником направлений работы объединения томских юристов.

Встаёт вопрос и о новизне исследования. Признаться, учёный из Бийска – не первопроходец. Пожалуй, даже не самый искушённый в сибирской теме историк, занимающийся этим периодом, способен вспомнить десятки авторов и работ, освещающих тем или иным образом затронутую проблематику. Вызывает опасения отсутствие даже упоминаний некоторых исследований, ведь ракурс выбранных для изучения вопросов не выделяется особенной оригинальностью. Так, ни в каком качестве не названы прежние издания вышеупомянутой работы Ю.М. Гончарова и В.А. Скубневского, основательная монография А.Н. Жеравиной о Томске того времени, где немало места уделено городской среде обитания и сфере образования¹⁴, книга А.Б. Храмцова о взаимоотношениях органов власти и жителей городов Тобольской губ.¹⁵, в которой так же, как у А.В. Литягиной, речь идёт о городском хозяйстве.

Насыщенностью не отличается источниковая база исследования, некоторые объёмные сюжеты основываются на уже

задействованных и осмысленных историками документах. Между тем лишь одна группа источников – периодическая печать – позволяет вскрывать огромные пласты городской повседневности, что доказывается в труде А.Н. Жеравиной. Не повышают качество представленной монографии низкий уровень обобщений, многочисленные ошибки и опечатки, небрежность, отсутствие единообразия в оформлении текста, который, как заявляется, опубликован в авторской редакции. В целом работа вряд ли способна послужить образцом регионального исследования.

Иное демонстрирует небольшая по объёму, но ёмкая по содержанию книга тюменского историка А.А. Кононенко «Тюмень на рубеже веков: город и его жители в 1900–1917 гг.». Автор, замечая, что «Россия вообще страна парадоксов, уездный провинциальный город Тюмень – тем более» (с. 12), выбрал предметом рассмотрения вопросы, которые, на его взгляд, наиболее ярко отражают противоречия городской жизни в эпоху чрезвычайно мощных толчков модернизации и развёртывания революционного процесса. Без претензий на академическую изысканность монография доступным языком рассказывает как раз о том, что происходило в городе ежедневно: от щёлканья семечек в тюменских подворотнях и способов забоя скота в пригородах до участия горожан в самоуправлении, позже – в разворачивавшейся борьбе за власть и их политической ориентации. Читатель встретит в книге и персоналии городских голов, и рассуждения историка о важных теоретических и понятийных проблемах (например, кто такие «гражданин» и «верноподданный»), исторические параллели с современностью.

Первая глава «Бойкий торгово-промышленный центр Тобольской губернии» освещает регулярные занятия горожан, их духовность, нравственность и гражданственность, развитие которых, безусловно, во многом определялось экономическим ростом. На 1904 г. по стоимости продукции, производимой городскими фабриками и заводами, Тюмень со значительным отрывом от других городов лидировала в Сибири (5 500 тыс. руб. еже-

годно, против идущего на втором месте Томска – 3 162 тыс. руб.)¹⁶.

Этические свойства и гражданская позиция тюменцев нашли воплощение в развитии благотворительности, распространении занимающихся «вспомоществованием» обществ. Рассуждая о тюменских меценатах и их пожертвованиях начала XX в., автор пытается ответить на далеко не праздный вопрос об источниках российской филантропии (с. 71–72).

Вторая глава посвящена общественным и политическим проблемам, обострившимся «на излёте Российской империи», в частности криминальной обстановке, взору из провинции на переживаемые страной потрясения. На уровне иногда тюменских пересудов, происшествий бытового характера автор показывает порой кажущееся чересчур размеренным течение городской жизни на фоне социальных взрывов и определяющих будущее страны катаклизмов. Когда началась Первая мировая война, горожан больше озадачивали последствия весеннего наводнения 1914 г. (с. 96), а когда Николай II отрекался от престола, ничто не нарушало спокойствия тюменцев (с. 107).

Рецензируемые работы, несмотря на разные качество, исследовательскую глубину и тематику, ориентированы на изучение истории в конкретных деталях и подробностях.

Примечания

¹ Скубневский В. А. Города России во второй половине XIX в.: Учебное пособие. Барнаул, 2012. С. 16.

² Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, её современное состояние и нужды: Сборник статей. СПб., 1908. С. 234.

³ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 18.

⁴ См., например: Зверев В. А. Старт модернизации: демографические процессы в горо-

дах и селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь: Сборник научных трудов. Новосибирск, 2006. С. 57.

⁵ Чавыкин Г. В. Весь Томск. Адресно-справочная книжка на 1911–1912 гг. Томск, [1911]. С. 294.

⁶ Один справочник за 1904 г., однако, не включает Ялуторовск в число неосвещённых городов (см.: Города России в 1904 г. СПб., 1906. С. 0416).

⁷ Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России. Год 7-й. Томск, 1903–1904. С. 268–269.

⁸ Л. К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 28. С. 15.

⁹ Шиловский М. В. Сибирские евреи во второй половине XIX – начале XX в.: вопросы региональной идентичности // Еврейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в.: Сборник научных трудов. Барнаул, 2010. С. 120.

¹⁰ Хотя, например, А. Н. Ермолаев приводит два факта антисемитских выходок русских против мариинских евреев в конце XIX в., но тут же подчёркивает, что «серьёзных конфликтов между русскими и евреями на национальной почве в Мариинске практически не было», а «власти старались “замять” все проблемы, связанные с межнациональными отношениями» (См.: Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. С. 419–420).

¹¹ Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов: Учебное пособие / Сост. Е. Н. Косых, И. Г. Мосина. Томск, 2001. С. 8–36.

¹² Крестьянников Е. А. Юридическое общество при Императорском Томском университете // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 85–94.

¹³ Потанин Г. Н. Культурно-просветительские организации // Город Томск. Томск, 1912. С. 90–100.

¹⁴ Жеравина А. Н. Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск, 2010.

¹⁵ Храмов А. Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX в. Тюмень, 2010.

¹⁶ Города России в 1904 г. С. 421.